

Нина Куренная

КИТАЙ

В ЛИЦАХ
И ОБРАЗАХ

Нина С. Куренная

Китай в лицах и образах

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74241771

Китай в лицах и образах / Нина Куренная: «У Никитских ворот»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-00246-597-2

Аннотация

Книга «Китай в лицах и образах» – это живой и откровенный рассказ о стране, где древние традиции переплетаются с современностью. На страницах издания оживают города и пейзажи, ритуалы и повседневные привычки жителей Поднебесной. Основанная на личных впечатлениях автора от путешествий и многолетней работы в Китае, книга соединяет путевые очерки и наблюдения, позволяя читателю увидеть страну не через призму туристических буклетов, а глазами очевидца.

Это путешествие к сердцу Китая – к его духу, культуре и людям.

Содержание

Часть I	5
Город, вышедший из сна	6
Сунгарийская столица	24
Престольный град – Пекин	39
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Нина Куренная

Китай в лицах и образах

© Куренная Н.С., 2026

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,
2026

*** * ***

Часть I

*Никто не возвращается из путешествий таким,
каким он был прежде.*

Китайская мудрость

Город, вышедший из сна

1927 год. Шанхай. Полночь...

Абажуры рассыпают тысячи разноцветных огоньков на витражи гостиниц. Возле одной из них статный мужчина с военной выправкой сквозь клубы сигарного дыма смотрит на луну.

Смотрит, как будто раньше никогда её не видел, будто хочет и не решается её о чем-то попросить. По самой длинной улице Шанхая тягучей волной плывёт музыка. Играет джаз-бэнд. Мужчина аккуратно тушит сигару, шепчет на русском – он вышел из сна!

Затем достаёт из кармана френча... губную гармошку... и начинает играть на ней.

Мечтаю, как город,

Я выйти из сна...

Наши дни.

Шанхай – город, который я никогда не забуду. Я возвращалась в него вновь и вновь... Город, который дарит открытия, сколько раз бы его ни посетил. Благодаря ему я полюбила эту страну безоговорочно и навсегда.

Это город, который одновременно похож и не похож на остальной Китай. Сами посудите, как его только ни называли в разные времена, имена говорят сами за себя, – и Парижем

Востока, и Азиатским Нью-Йорком, и Восточной блудницей, и Восточной жемчужиной, а ещё раньше-раньше – Китайским Чикаго, Городом авантюристов... Неслабо, верно?

Когда приезжаешь в Шанхай на поезде, как это было со мной в первый раз, то сразу попадаешь в круговорот огромного мегаполиса: белые воротнички с кейсами, люд попроще и совсем бедные, чаще всего крестьяне с огромными узлами, которые тебя подпирают со всех сторон. И крутит-вертит твоё брренное тело в этом людском море, и несёт незнамо куда... И именно сейчас, вот в эту минуту осознаёшь, что китайцев не просто много, а о-о-о-очень много.

Потом чаще всего мне доводилось добираться до Шанхая из международного аэропорта, что тоже то ещё приключение. Я двумя руками за прогресс, но ощущение в поезде, мчащемся по скоростному монорельсу четыреста тридцать километров в час, скажу мягко – адреналин не дремлет. За семь минут и двадцать секунд преодолеваешь расстояние в тридцать километров. Словно ты летишь в будущее.

На самом деле Шанхай и есть город будущего. И кто ещё помнит, что всего-то в середине девятнадцатого века на этом месте была рыбацкая деревня. Переменчивые вехи истории преподносят настоящие чудеса. Тысячи и тысячи рыбацких посёлков по прошествии сотен лет так и остались ими, а одному несказанно повезло, повезло настолько, что он стал крупнейшим городом Китая. Да что там Китая, он вошёл в десятку самых населённых городов мира. Мало того, дерзко

превратился в центр всей Восточной Азии.

А начиналось всё просто. Ещё в одиннадцатом веке обласканная очередным императором деревушка становится портом, потом, сама того не замечая, неспешно обрастает домишками и домами, правда, иногда взбрыкнёт из летаргического сна да и снова туда вернётся. В шестнадцатом веке пришлось обзавестись крепостной стеной, защищающей от набега пиратов, а с ней и статусом города. Худо-бедно Шанхай¹ «приплыл» в девятнадцатый век. И, может быть, покоился бы и дальше ни шатко ни валко, но стратегическое положение в устье реки Янцзы не оставило городу шанса дремать и дальше. Порт приглянулся западным державам, которые против воли имперского Китая заставили вести торговлю с Западом, отнюдь не на его пользу, и вообще лишили возможности контролировать торговлю.

С середины девятнадцатого века Шанхай оказался во власти колониальных держав, сильнейшей из которых была Англия. Крупнейшие банки и фирмы Европы основали в Шанхае свои концессии, застроив авангардными зданиями почти весь современный центр города. Исключением осталась только старая часть, которая принадлежала китайцам.

Очень быстро образовались поселения иностранцев из Великобритании, США, Франции. Кстати, китайцам там селиться долгое время было запрещено. В «западных» кварта-

¹ Шанхай в буквальном переводе – «Город над морем» («шан» – над, «хай» – море). Или более поэтично – «Поднявшийся из моря».

лах действовали не местные законы, а европейские.

Сегодня условно в Шанхае можно увидеть сразу три обособленные части города: современный Шанхай – неофициальная столица Поднебесной, которая заявляет о себе ни много ни мало как об экономической столице Азии, древний Шанхай, возникший ещё в Средние века на месте небольшого рыбацкого посёлка, и колониальный Шанхай – крупный британский и французский город. Правда, если придерживаться официальной точки зрения, то в Шанхае не существует единого городского центра. Современный Шанхай разделён рекой Хуанпу² на Западный и Восточный берега. Восточный берег стал новой экономической зоной и состоит из одного района Пудун³, а Западный объединяет несколько районов, иными словами – весь остальной Шанхай, и называется Пуси⁴.

Колониальное «наследие» в Шанхае во всей красе расположено вдоль набережной Вайтань⁵. Полуторакилометровый участок набережной украшают пятьдесят два здания различных архитектурных стилей – классицизм, неоклассицизм, барокко, бозар⁶... Особая песня – это административные

² Хуанпу – «река с жёлтыми берегами».

³ Пудун – буквально означает «к востоку от Хуанпу» или «восточный берег».

⁴ Пуси – дословно «к западу от реки Хуанпу».

⁵ Вайтань – переводится как «внешний берег».

⁶ Бозар – архитектурный стиль, появившийся во Франции в середине девятна-

здания и банки, многие из которых сплошной модерн и ар-деко. Кстати, на здании Шанхайской таможни встроены часы, которые были изготовлены в Великобритании как подражание Биг-Бену. Неподалёку возвышается двенадцатиэтажное здание в стиле готических небоскрёбов, говорят, что такие здания характерны для Чикаго начала двадцатого столетия. Для меня это здание имело особое значение, служило ориентиром, чтобы не заблудиться и найти дорогу к гостинице, в которой проживала.

Набережная Вайтань, высоким слогом, уникальный островок европейской культуры в сердце Шанхая. Её часто называют «музеем мировой архитектуры».

Именно эти здания и эта, словно застывшая, река помнят моих соотечественников, волею судьбы оказавшихся вдали от своей Родины в приютившем их чужом городе. Покинув после революционных потрясений свою страну, они оказались здесь с мыслью бежать дальше и дальше, но не всем это удалось. И так уж получилось, что в двадцатых годах прошлого столетия почти четверть населения этого города составляли русские эмигранты, и если в Европе они буквально растворились, то здесь в силу менталитета и языковых барьеров – ведь китайским владели единицы, в отличие, например, от французского, – русские жили обособленно, береж-

дцатого века как объединённое продолжение архитектурных традиций итальянского ренессанса и французского барокко. Слово «бозар» является транскрипцией произношения французского выражения Beaux-Arts, буквально «изящное искусство».

но храня свою культуру и традиции.

Сколько историй мог бы поведать тот «русский» Шанхай. Какие только башмаки не ступали по Вайтаню, кого только не обвевал ветерок с реки Хуанпу.

*Вознесённый над жёлтой рекой полусонною,
Город-улей москитов, термитов и пчёл,
Я судьбу его знаю, сквозь маску бетонную
Я её, как раскрытую книгу, прочёл.*

...

*Вот хохочут трамваи, топочут автобусы,
Голосят амбулансы⁷, боясь умереть...
А в ночи фонарей раскалённые глобусы
Да назойливо хнычет китайская медь, —*

пел Александр Вертинский, «случайный»⁸ эмигрант по его собственному выражению.

Оркестр Олега Лундстрема был лучшим биг-бэндом⁹ в Шанхае.

По воспоминаниям русских «шанхайцев», взаимоотно-

⁷ Амбуланс – полевой лазарет. Передвижная полковая больница, перевязочный пункт.

⁸ Причины своей эмиграции в начале 1920 года много позднее он сам определял так: «...очевидно, это была страсть к путешествиям, юношеская беспечность». Несколько раз в разные годы он делал попытки вернуться на Родину, но получал отказ. И только в 1943 году попытка увенчалась успехом.

⁹ Биг-бэнд – разновидность джазового оркестра, отличающаяся определённым составом инструментов.

шения между советскими гражданами и белоэмигрантами были непростые, но они самоупразднились в день начала Великой Отечественной войны, когда немцы напали на СССР. Можно сказать, что в этот день эмиграция как явление кончилась. Все толпой ринулись в российское консульство¹⁰, которое находилось на Вайтане, чтобы подать заявление для отправки на фронт. Очередь была огромная.

Кстати сказать, здесь, в Шанхае, родилась Легенда – разведчик Исаев, многим известный по сериалу «Семнадцать мгновений весны».

...Юлиан Семёнов был автором целой серии романов и повестей об Исаеве-Штирлице. Самые известные из них были экранизированы. Но поскольку полностью историю знаменитого разведчика можно проследить, лишь прочитав весь цикл произведений писателя, то некоторые факты биографии этого литературного героя остались практически незамеченными. А между тем мало кому известно, что Максим Максимович Исаев становится Максом Отто фон Штирлицем именно в Шанхае. Об этом – короткий рассказ Ю. Семёнова «Нежность».

¹⁰ В 1858 году было решено учредить нештатное консульское агентство в Шанхае. В 1875 году была введена штатная должность генерального консула Российской империи. В 1914 году МИДом был приобретён земельный участок в месте впадения реки Сучжоухэ в реку Хуанпу и начато возведение здания консульского представительства. Проект здания был разработан немецким архитектором Хансом Эмилем Либом, который выбрал эклектичный стиль, сочетавший элементы барокко и немецкого возрождения. 14 января 1917 года четырёхэтажное здание консульства было официально принято.

В 1920 году молодой подпольщик Всеволод Владимиров работает под именем Максима Максимовича Исаева в пресс-службе колчаковского правительства. Так началась его деятельность разведчика. На родине у него остаётся его единственная на всю жизнь любовь – Сашенька и сын. В течение последующих тридцати лет он постоянно находится награничной работе. С приходом к власти Адольфа Гитлера в 1927 году было решено направить Исаева в Европу. Для этого была создана легенда о Максе Отто фон Штирлице, ограбленном в Шанхае немецком аристократе, ищущем защиты в немецком консульстве в Сиднее.

В Шанхае было всё: журналы и газеты, библиотеки, русские рестораны, театры... Не было только одного... Не был Шанхай Родиной.

С каждым очередным наступившим новым годом покрываются туманом и постепенно превращаются в легенду такие близкие и такие далёкие те времена. В легенду превращаются люди, их судьбы, да и сам Шанхай тех лет всё труднее соотносить с сегодняшними небоскрёбами, развязками, мостами, скоростями.

В самом деле, стоит на набережной повернуться лицом к реке и вот – фантастика... Прямо напротив невероятной красоты город неведомой планеты. На фоне голубого неба словно рисованные вытянулись башни одна краше и затейливей другой. Зеркальные небоскрёбы притягивают, вызывая томление в груди и тревожа ожиданием волшебства. «Кос-

мическая» картинка усиливается, подсвеченная тысячами огней в ночи.

Рок-музыкант Илья Лагутенко¹¹, побывав в Шанхае, писал: «Огнями колотит Шанхай в лоб...»

Кто сейчас поверит, что это чудо воздвигнуто практически на топком месте да сельскохозяйственных угодьях с преобладающими там рисовыми чеками.

Ближе к новому столетию, к нулевым годам, город сделал рывок в своей истории – на этот раз рывок в будущее. Начинается новый этап развития Шанхая, который к двадцать первому веку превратил город в один из ведущих финансовых центров мира.

Каждый из небоскрёбов необычен и можно назвать визитной карточкой не только Пудуна, но и самого города. Вот только некоторые из них.

Высочайший небоскрёб в 101 этаж по форме напоминает открывалку для бутылок, его шуточно и прозвали «открывашка». Здесь располагается Шанхайский всемирный финансовый центр. На самом верху есть смотровая площадка. Из моих друзей и коллег никто не рискнул на неё подняться, в их числе и я.

Башня Цзинь Мао необычное сооружение. Представьте, в одном здании собрано несколько архитектурных стилей, здесь и восточный китайский стиль, и современный ноу-хау.

¹¹ Илья Лагутенко – советский и российский рок-музыкант, поэт, артист, певец, лидер группы «Мумий Тролль».

Конечно же, со смотровой площадкой на верхнем этаже и с сюрпризом – прозрачный пол.

Нереально высокая – 121 этаж и ещё два этажа для парковки автомобилей – Шанхайская башня. Это один из самых высоких небоскрёбов мира с самым скоростным лифтом мира.

Царит в этом великолепии телебашня – «Жемчужина Востока». Сложная конструкция телебашни напоминает космический корабль. На мой взгляд, хоть с виду от башни веет «инопланетным», магическим, внутри она уютная и гостеприимная. Мне нравится там бывать и совсем не пугает смотровая площадка на высоте почти 340 метров. Иногда не грех там пообедать. В ресторане можно выбрать блюда европейских кухонь, азиатской, например японской, но я всегда предпочтение отдаю китайской. Друзей из России приглашаю в музей, который мне нравится своим трепетным отношением к истории, мастерски оформленными экспозициями.

По официальной статистике, в Пудуне проживает всего 10 процентов жителей города. По секрету скажу вам, китайцы из Пуся недолюбливают соотечественников из Пудуна, считают их спесивыми и ленивыми. Я тоже неуютно себя чувствую среди небоскрёбов и в кафе за ланчем, если совпадает по времени с китайскими перерывами в работе. Вроде как в таких «космических» сооружениях должны работать инопланетяне с «космическими» мозгами. Одним словом, Пу-

дун высокомерен, ну, может, иногда чуть снисходителен. Но правды ради, их примиряет хобби. В каждый выходной и те и другие выходят на набережную и запускают в небо сотни воздушных змеев. При всём желании, по их словам, невозможно отыскать двух одинаковых змеев.

Мне мил Шанхай остальной, 90-процентный, с уютными улицами, даже если и «подправлены» дома новым веянием в архитектуре, но китайский колорит никуда не спрячешь, торговые центры, магазинчики и лавки с крикливыми посетителями и невозмутимыми продавцами. В одном из таких районов, Янпү¹², мне довелось недолгое время жить. Микро-район почему-то назывался «Вилла “Сингапур”». Он был отстроен в восьмидесятих годах прошлого столетия. Действительно, 35-этажные дома выглядели экзотично и производили впечатление этакой респектабельности, «ненашенскими». Да ещё и с консьержами в каждом доме. В то время, когда я там жила, таких домов было уже множество, и даже выше и позатейливее. Тем более что неподалёку был уже Пудун, и Янпу с новым районом соединил мост, который тоже назывался Янпу¹³. По этому мосту можно свободно попасть в Пудун не только на автомобиле, но при желании и пешком. А ещё с него открывается фантастическая панорама города.

¹² Янпу – буквально: «тополиный берег».

¹³ Мост Янпу появился почти одновременно с развитием Пудуна. Высота основной колонны конструкции моста достигает 210 метров. По форме она напоминает перевёрнутую букву «Y».

Так вот, возвращаясь к истории, когда мне пришлось некоторое время провести в этом микрорайоне. В канун Нового года по восточному календарю¹⁴ я вдруг решила провести его в Шанхае. К тому моменту моя работа не первый десяток лет была связана с Китаем, но ни разу мне не доводилось быть там в эти праздники. Взяв двухнедельный отпуск, предупредив племянницу, арендуящую квартиру как раз на «Вилле “Сингапур” о своём приезде, прибыла аккурат под Новый год в этот волшебный город.

Первый сюрприз, который меня поджидал, так это то, что в квартире не было центрального отопления. Оказывается, его не было во всех домах этого микрорайона. Я с этим не была знакома на практике, так как в рабочих командировках жила в гостиницах, где такой напасти не было. Отопление же этих жилищ выполнялось через кондиционер. Обычно его включали, когда вся семья была в сборе, как правило, утром и вечером. Теперь мне понятно, почему очень часто можно встретить китайцев в стёганных тёплых домашних куртках и штанах на толстом синтепоне, выскочивших из дома «на минутку», например, в супермаркет. Как ходили по квартире в этом одеянии, так и вышли на улицу – чего стесняться, до-

¹⁴ Китайский Новый год – Чуньцзе, в дословном переводе – Праздник весны. Это официальное название праздника. Даты празднования определяются лунно-солнечным календарём и всё время меняются. Есть и неофициальное название праздника – лунный Новый год, поскольку определение точной даты происходит по календарю на основе фаз Луны. (Примечание: китайцы отмечают официальный Новый год 1 января вместе со всем миром, но довольно скромно.)

машинный наряд запросто сойдёт за уличный. На следующий день в близлежащем торговом центре я тоже приобрела такой «гарнитур», и жизнь стала веселее.

Ранним вечером в канун Нового года посидели с племянницей и её русскими друзьями за праздничным столом, после чего молодёжь отбыла в ночной клуб, а я приготовилась с коктейлем «Бьянко» и «попурри» на тему Нового года по китайским телевизионным программам встречать рассвет, а не ложиться спать, ведь в таком случае можно пропустить свою удачу по китайской традиции. К коктейлю заранее в Duty Free купила мартини, здесь уже с утра приобрела клюквенный морс и апельсиновый сок. Всё это налила в высокий стакан, и после смешивания получилось великолепие – внизу красное солнце, сверху – заря. Ото льда стакан слегка запотел. Раздвинула шторы на окнах, выключила свет, чтобы не пропустить рассвет, зажгла свечу с лёгким ароматом свежести, который должен отпугивать зло и привлекать удачу. Разместившись в кресле перед телевизором, стала переключать кнопки, «путешествуя» с одной программы на другую, не забывая потягивать коктейль. Мой тихий вечер длился недолго. Приятной встречи рассвета не случилось. А случился «армагеддон». Катастрофа. Приятная истома от маленьких глоточков «Бьянко» и мельтешение новогодних картинок на мониторе плазмы внезапно были нарушены звуками стрельбы. От неожиданности подскочила в кресле, сердце вдруг провалилось. Придя в себя, подбежала к окну. На

тёмном фоне ночи, выше моего двадцатого этажа расцветали затейливые сполохи. И если сначала «выстрелы» были не такие частые, то уже через несколько минут звуки запускаемых петард, фейерверков и шутих слились в канонаду. С высоты своего этажа мне не было видно, что творится на земле. А вот результаты «стрельбы» прямо перед глазами – ночь накрыла расцветенное неземное существо. Дома вокруг приобрели очертания, словно их нарисовала неуверенная детская рука, под сполохами рассыпающихся звёздочек петард они раскачивались, уворачивались от беспрестанно рвущихся выстрелов. Мой дом дрожал, готовый вот-вот развалиться. Ужас, обуявший всё моё существо, заставил лихорадочно искать телефон, который, как назло, не находился. И вдруг сжавившись надо мной, разлился весёленькой трелью. Голос племянницы оказался соломинкой в этом аду. Он журчал и журчал, растворяя мой страх. Она тоже впервые встречает Новый год в Китае и не ожидала, что это так шумно и феерично. Вместе с друзьями она вышла из клуба на улицу и во всей красе увидела ликование окрестных жителей.

После пятнадцатиминутного праздничного «развлечения» наступила тишина. А я подумала, что вот так сейчас практически по всей стране в едином времени¹⁵ грохочут фейерверки, отпугивая злых духов. Не знаю, как насчёт злых

¹⁵ Географическое пространство Китая совпадает с пятью временными поясами, но на территории государства принято единое пекинское время – UTC+8. По сравнению с московским здесь наблюдается опережение на пять часов. (UTC – это всемирно координированное время, стандарт времени, принятый на Земле.)

духов, но тот страх, который я пережила за несколько минут, помнится до сих пор и те отчаянные мысли, что для меня земной путь завершится здесь и сейчас под развалинами высотки. Наверное, мифическое чудище Нянь¹⁶ явило мне своё «личико» в те мгновения, и имя ему – страх.

Сгладили эмоции той ночи праздничные гулянья. Они действительно оказались грандиозными. Главное, не обращать внимание на «великий» чуньон¹⁷.

В Пуси много мест, которые по-своему колоритны. Мой любимый – Французский квартал – уголок Франции почти в центре китайского города. Это тоже «наследие» колониального прошлого. Появился с середины девятнадцатого века, застраиваясь зданиями в европейском стиле. Здесь селилась французская аристократия с консулом Франции. Почти целое столетие участок заселяли только французы, а затем там появились русские. Постепенно квартал расширялся, обу-

¹⁶ Нянь – мифическое чудище, в переводе – «Год». По легенде, жители древнего Китая в первый день Нового года вынуждены были прятаться от него. Чудище приходило к домам, чтобы уничтожить все запасы провизии, скот, и даже могло напасть на людей. Чтобы защититься от Няня, люди пытались задобрить его разными угощениями, чтобы он насытился и ушёл до следующего года, не причинив вреда. По легенде, красные украшения и всевозможный шум отпугивают Няня, поэтому он больше не появляется среди людей.

¹⁷ Чуньон – «весенняя миграция». Для китайцев крайне важно находиться в семейном кругу во время новогодних торжеств. Поэтому в период празднования Нового года отмечается самый высокий пик их перемещения по стране. Это явление и называется – чуньон.

страивался. Это самый тихий уголок современного Шанхая. Здесь можно посидеть в тени платанов¹⁸, среди уютных особняков, брендовых магазинов, кафе, вполне можно ощутить себя в Париже, не покидая Поднебесную. В миленьких летних кафе веет романтикой, так и кажется, что сейчас услышишь три волшебных слова: *bonjour, pardon, merci...*

Есть ещё одно местечко, которое стоит посетить. Там всегда многолюдно – это Старый город. Собственно, в этом ныне «парадном» месте и начинался Шанхай. Конечно, он подвергся основательной реставрации и тем не менее не стал от этого менее значимым. Здесь можно увидеть образцы классической архитектуры Китая. А ещё можно прочувствовать особую энергетику и особый характер Шанхая.

Сад Юй-Юань – древний сад¹⁹ разбит аж в шестнадцатом веке в типичном китайском стиле – с беседками, миниатюрными каменными горками, оградами, расписанными драконами, прудами с карпами... По преданию, это было подарком от зажиточного горожанина и чиновника²⁰ для своих родителей, чтобы те могли прожить старость в мире и счастье.

¹⁸ Платаны – говорят, что их завезли в Китай французы. Они стали высаживать деревца вдоль улиц, на которых поселились. До этого в Китае не знали о существовании такого растения.

¹⁹ Юй-Юань – с китайского переводится как «Сад радости» или «Сад неторопливого отдыха».

²⁰ История сохранила имя этого чиновника – Пань Юньдуань. Когда отец Паня, крупный чиновник, вышел в отставку, сын построил ему Юй-Юань недалеко от собственного имения.

Особое внимание привлекает уникальный зигзагообразный мост через центральное озеро, чья конструкция девять раз меняет направление, образуя девять прямых углов. Считается, что злые духи, спешащие за человеком, не успевают за ним, путаются, падают в воду и тонут. В саду словно замедляется бег времени. На берегу озера Чайный дом в типичном архитектурном стиле Шанхая, покрытый черепичной крышей и изогнутыми карнизами. В Старом городе много магазинов, торговых лавок, ресторанов и кафе. Здесь всегда оживлённость традиционной уличной жизни Китая.

Но изюминка этого района – собственно узкий лабиринт улочек и традиционных китайский дворов. Это поистине самое китайское место в Шанхае. Говорят, что Старый город – это подлинный Шанхай и те, кто живут здесь, – настоящие коренные шанхайцы. Здесь можно, хоть и изредка, встретить несколько домов, которым триста лет. В старых кварталах протекает обыденная жизнь: хозяйки стирают, моют овощи в уличных арыках, дети играют в прятки, а старики часами склоняются над игральными досками традиционных китайских шахмат, разыгрывая одну партию за другой.

Такие бытовые картинки можно увидеть повсеместно в Пуси. Вечером почти в каждом дворе, на притихших от дневной суеты улицах под мелодичные звуки или просто ритм барабана, который задаёт чаще всего седенький старик, молодые и не очень, а то и вовсе старики исполняют танцевальные па. Зачастую и я, замороженная этим действием, при-

соединяюсь к ним, совершенно забыв, что у меня ни слуха, ни чувства ритма, природа, как говорится, решила на мне отдохнуть. Однако обязательно находится кто-то, берущий шефство надо мной, и вдруг оказывается, что и я не лишена и слуха, и чувства ритма.

Как в своё время ни пытался колониальный Шанхай вытеснить из сознания шанхайцев китайский Шанхай, оттеснить его на периферию, это ему не удалось. Да и сейчас, хоть на Восточном берегу растут небоскрёбы, городской ландшафт в Старом городе практически не изменился за последнее более чем столетие. Вместе они создают неповторимый, особый облик Шанхая.

Для меня этот город навсегда будет самым городом из городов Поднебесной.

Сунгарийская столица

Дверь открылась, и в наше купе спального вагона вошёл молодой человек европейской наружности.

– Здравствуйте, – поклон в мою сторону.

– Hello, – кивок двум китайцам, которые расположились напротив меня на нижней полке и о чём-то оживлённо переговаривались.

Наступила небольшая заминка, которая прервалась уходом китайских попутчиков.

– Меня зовут Александр. Я еду в Пекин.

Познакомившись, продолжили беседу.

– Вы из Прибалтики?

– Почему так решили?

– Высокий рост, блондин, голубые глаза, европейские черты лица и лёгкий акцент.

– Звучит как досье на спецagenta или, на худой случай, преступника.

Мы рассмеялись.

– Не угадали. Я – француз.

– Неожиданно. Никогда бы не подумала. У вас очень хороший русский.

– По происхождению я больше русский, чем француз. Мои прапрадедушка и прапрабабушка были русскими. Я похож на прапрадеда. Вылитый, как говорят у вас в России.

– Простите за вопрос, что привело вас в Харбин?

– Здесь родилась моя прапрабабушка, и тут прошла её юность. Здесь же встретила своего будущего мужа. Я был на родине моих русских родных – в России, теперь вот приехал сюда. В нашей семье историю рода хранят и передают её новым членам. После отъезда она всегда тосковала по Харбину, который не суждено было увидеть вновь. Думаю, что Франция так и не стала для прапрабабушки родной. Я сделал много фотографий, побывал в тех местах, о которых прочитал в сохранившихся бабушкиных дневниках. С нетерпением жду время, когда обо всём, что здесь увидел, расскажу своим близким. Я потрясён городом, историей.

За окном поезда картинки разросшегося города сменились пейзажами природы, мелькали посёлки, потом и вовсе всё потонуло во мраке ночи. Давно уже, слегка похрапывая, спали на верхних полках китайские соседи, а мы, склонившись над купейным столиком голова к голове, чтобы не мешать спящим, всё говорили и говорили...

Торжественный звук соборного колокола призвал молящихся к обедне. Всё как в прежней России.

Прихожане ручейками стекаются к Свято-Николаевскому собору. Обнажив головы, смиренно слушают батюшку рядом стоящие и русские, и советские²¹, и китайцы. Перед Всевышним все равны.

²¹ Советские – так называли тех, кто приехал в Харбин из СССР.

Лиза, опустив голову, покрытую лёгким платочком, исто-во молится. Прошло уже несколько месяцев, как получила письмо от милого сердцу Сашеньки. На сердце тяжесть, а всё из-за батюшки. Он хмурит брови от прочтения очередного «Вестника» да иных газет. В одних одно пишут, в других другое. Кому верить, к кому качнуться. Несколько лет назад не боялся тронуться с насиженного места на Черниговщине с малым дитём да молодой женой. Отправился в чужую страну без денег, без мало-мальски хоть каких драгоценностей. Смекалистый и полный надежд сумел добраться до Китая. На станцию Сунгари прибыли вместе с другими, кто бежал от голода и нищеты. Сумел и на ноги встать, и небольшое колбасное предприятие освоить, а теперь вовсе владелец колбасного завода, и свои магазины имеются, и на прилавках «Чурин»²² его колбасные изделия всегда есть и большим спросом пользуются.

Лиза не помнит старого жилья на Пристани, куда заселилась их семья. Сестра тоже не помнит, слишком мала была, но любит приговаривать, мол, вот когда мы жили в палаточном городке... Хотела подчеркнуть, что не всегда была из богатой семьи, чтобы уравнивать себя среди студийцев. Её страсть – театральная студия, к которой приохотила чудом занесённая в Харбин актриса из Владивостока. Студия довольно-таки популярная в городе и часто со спектаклями

²² Известный торговый дом «И.Я. Чурин и К».

выступает в «Модерне»²³. Батюшка давно махнул рукой на сестру – упустил за делами, что уж теперь роптать. Лизу же никогда не выпускал из виду и увлечения глупостями, как театр, кино, стихоплётство, не приветствовал. Да только запреты можно было обойти с помощью маменьки, которая мягко увещевала мужа, смягчала его строгость.

В тот вечер глава семейства вышел со своей женской половиной «в концерт», поддавшись их уговорам. Перед началом выступления к ним подошёл градоначальник в окружении нескольких военных чинов, одного из них, приезжего из Хабаровска, как поняла Лиза из беседы, сопровождал молодой офицер. Вот к этому-то офицеру и было приковано внимание Лизы. Хотя какое внимание, глаз не смела поднять, а когда к ней обращались, краснела и только хлопала ресницами, за что потом себя нещадно корила – ведь не робкого десятка. Одна радость, встреча длилась недолго. Поскольку гости из России задержатся здесь до Рождества, батюшка пригласил их в гости на праздничный обед.

Наконец этот день настал. После заутрени в доме начался лёгкий переполох – ждали гостей.

Как и в сочельник, стол покрыли сначала соломой²⁴, сверху расправили белоснежную скатерть – по украинской традиции, родины отца. Затем выставили обильное угощение,

²³ Театр-отель «Модерн».

²⁴ Солома напоминает о том, что Младенец Христос был явлен в хлеву в яслях с соломкой.

приготовленное накануне с помощницей-китайкой. Здесь и окорока, и колбасы, и поросёнок, и, конечно же, под чарочку – икорочка, чёрная и красная. В вазах затейливо уложены бананы, апельсины, ананасы.

Гости не заставили себя долго ждать. Оглядев стол, старший офицер крикнул в усы, добавив, что в Хабаровске такого изобилия давно уже не встретишь.

Выпили по одной, другой рюмочке, да и пошли разговоры, малоинтересные женской половине, а потому заскучавшую молодёжь отпустили на гулянье, с ними и Александра, того самого, который сопровождал чин. Сестра сразу же упорхнула к своим, а Лиза и Саша остались вдвоём, явно этим смущённые. Тут подросли соседские брат с сестрой – Ани́чка и Пётр, из семьи обрусевших поляков.

С девушкой Лиза училась в одной гимназии, а Пётр был старше их, ненамного, всего-то на два года, но изображал взрослого и на подруг смотрел свысока.

Оживлённой компанией молодёжь решила ехать на Сунгари²⁵. Подозвали извозчика, умостились и покатали на Пристань.

Сунгари уже основательно промёрзла. Этот год оказался студёным, Лиза и не помнит, когда ещё такое было. Блеск солнца, свежесть снега и синий лёд реки на расчищенных дорожках манил. Мороз, крепкий, звенящий, Лизе был нипо-

²⁵ Река протекает по китайской и российской территории. В Китае её называют Сунгари, в России – Уссури.

чём. Укутавшись в белый пуховой платок поверх кокетливой меховой шапочки, с покрасневшими щеками, девушка смотрела на своего спутника сияющими глазами. Нет-нет да и смахнёт слезинку, набегавшую от мороза, а затем утрёт её со щеки изящным жестом, выпростав руку в варежке из муфточки.

Александр любовался нежным личиком, ловил каждое движение Лизы, впитывал милый облик – не успели встретиться, а уж расставаться вскоре.

Пётр, неугомонная душа, уже расстарался – подозвал «толкай-толкай». Двое китайцев подкатили широкие деревянные санки к молодым людям. Пётр с сестрой сели в одни, Лиза с Александром – в другие. Китаец заботливо укрыл седоков меховой шкурой, вскочил на запятки, длинным шестом оттолкнулся с возгласом «тол-кай-толкай», и сани помчались по ледяной дорожке, набирая скорость под умелым управлением саночника. Ветер колко бьёт в лицо, от страха Лиза иногда невольно взвизгивает, зажмуривает глаза, страшась столкновения со встречными санями. Так и неслись они среди таких же «толкай-толкай», то кого-то обгоняя, то их кто-то обходил. Было жутко и весело одновременно. Лиза чувствовала крепкое плечо Александра и разочаровывалась, когда на повороте оно слегка отстранялось.

Безумное скольжение благополучно закончилось. Лиза с облегчением вздохнула, одновременно испытыв грусть, что разрушилось ощущение полёта от быстрой езды, волшебное

единение с незнакомым юношей, о котором не знала ничего, кроме имени, но которого, казалось, знала всегда.

Здесь же, на берегу, в кафе пили обжигающий чай. Лиза грела руки о горячую кружку, надкусывала булочку, не чувствуя её вкуса. К ним присоединились приятели Петра и подруги Лизы и Аньчки, которые тоже сегодня пришли повеселиться на Сунгари. Большой толпой, дурачась, они поднялись по крутой тропе к Китайской улице и пошли по мощенной булыжниками, привезёнными аж из Петербурга, пешеходной дороге, заглядывая по пути в лавки, магазинчики. От мороза камни под ногами стали скользкими, и Саша бережно поддерживал спутницу.

Лиза всегда с интересом вглядывалась в здания, когда доводилось здесь бывать. Родители говорили, что это кусочек России, которую дочери никогда не видели. Матушка у них москвичка, тоскует по родине, надеется когда-нибудь её увидеть снова. Как её занесло в Малороссию, сама вспоминает со смехом. Случайная встреча с хлопцем, заблудившимся в московских переулках, закончилась венчанием и переездом на Черниговщину, откуда родом её любимый муж. Не знает Лиза союза дружной своих родителей.

В сувенирной лавке Александр купил ангелочка из белого камня и вручил зардевшейся от неожиданного подарка девушке. Вышли из тепла на мороз, и тут же Пётр купил на всех по брикету мороженого. С шутками-прибаутками развернули «кирпичики» пломбира, в весёлом настроении, не

чувствуя мороза, стали слизывать сладкое нутро лакомства. У Лизы хоть и занемел язычок от холодного брикета, но ни за что не собиралась от него отказаться, такая вот сладкоежка.

Пройдя почти через всю улицу, подошли к отель-театру «Модерн». Там уже собралась изрядная толпа, состоящая не только из таких же весёлых компаний, но и людей в солидных в шубах и «боярках» на голове.

Через несколько минут ожидания на балкон с чугунным ограждением, украшенного лапником, вышел саксофонист, во фраке, с бабочкой под шеей, поклонился слушателям, и по Китайской, и вширь, и ввысь, прямо к молочному небу, внезапно известившему о скором снегопаде, полилась волшебная мелодия. Толпа утихла. Музыкант играл душой, забирая у слушателей их сердца. Музыка раскачивалась, пробиралась в самые потаённые уголки сознания, казалось, что сердце не выдержит, разорвётся от раздирающей душу мелодии. Когда стихли последние звуки, звенящая тишина охватила присутствующих, а затем в едином порыве на разных языках грянуло «браво-о-о», но громче всех на русском. Лизин голос тоже прозвучал в хоре других. Саксофонист меж тем склонился в прощальном поклоне и исчез за балконной дверью. Тут как по заказу небеса разверзлись обильным снегопадом, покрывая головы, плечи невесомым покрывалом.

Вечером, прощаясь, поцеловав девушке руку, Александр прошептал: «Я вернусь». Лиза поверила сразу – вернётся.

Утром праздник закончился. Александр вместе со старшим чином покинул Харбин, отбыв к себе в Хабаровск.

Лиза поверила и ждёт. До сих пор.

С оказией от Александра пришло одно письмо. Почти сразу после переворота. Что такое переворот, Лизавета слабо представляла. В России свергли царя и власть перешла к большевикам.

В Харбине известие встретили с восторгом. Здешних большевиков, которые хотели взять власть в свои руки, не особо жаловали, и жизнь на берегу Сунгари текла в прежнем русле.

К концу года от Александра пришло ещё одно письмо. Лиза помнит его наизусть. «Дорогая Лиза! Хотел послать Вам телеграмму – поздравить с Днём Ангела, да телеграф не работает. Опять забастовки. Это письмо придёт, когда День Ангела будет уже позади. Каждый миг думаю о Вас, мечтаю о встрече. Александр».

Ещё через год, ближе к Пасхе, в дверь позвонили – на пороге Александр. В гражданской одежде его не сразу узнали. Лиза, не стесняясь домочадцев, прижалась к молодому человеку.

После Пасхи Елизавета и Александр тихо обвенчались в Свято-Николаевском храме. Родители препятствий не чинили, помнили, как у самих было.

Через несколько дней Лиза с сестрой, Александр с сослуживцами отправились в Шанхай, подальше от револю-

ции, отголоски которой всё настойчивей проникали в сунгарийскую столицу. Там судьба раскидает их по свету. Сестра уедет в Америку, где станет известной актрисой, а молодая пара через несколько лет покинет Шанхай и останется во Франции, там у Александра обосновались его родители, спасаясь от большевиков.

С матушкой и батюшкой сёстры больше не свиделись. До них дошли вести, что в 37-м²⁶ родители разделили участь многих харбинцев, поверивших в советскую власть и внявших призывам вернуться на родину. Долгожданная встреча закончилась в лагерях для политзаключённых с клеймом предателей и врагов России.

Через много десятилетий их праправнук Александр – назвали в память о прапрадеде – будет стоять на высоком берегу Сунгари, такой спокойной, лишь набегающая рябь нарушает солнечные блики на водной глади. У молодого человека перед глазами встанут картины завьюженной реки с несущимися наперегонки «толкай-толкай» и счастливые лица его предков.

Потом он поднимется по крутой тропинке, пройдёт по набережной мимо отеля и выйдет на пешеходную улицу – в прошлом Китайскую. Удивится, что это настоящий музей

²⁶ «Большой террор» – термин современной историографии для обозначения массовых политических репрессий, осуществлённых в СССР в 1937–1938 годах. Главная цель «большого террора» – ликвидация или изоляция лиц, которые рассматривались руководством страны как враждебные советскому режиму элементы (Большая российская энциклопедия).

европейских архитектурных стилей. Здесь уживаются рядом фасады барокко и византийский, русские и французские дома соседствуют, не затмевая друг друга. Найдёт дом, где у его предков была колбасная лавка. Теперь там чайный магазин. Постоит под балконом «Модерна», где также пополудни в любое время года выходит саксофонист во фраке, а толпа молча внемлет мелодии. Для праправнучатого молодого человека время повернуло вспять. Он видит счастливые лица Лизы и Александра. Мужчина – высокий, статный, сразу видна военная выправка, и хрупкая девушка, прильнувшая к твёрдому плечу.

Давно стихла мелодия. А молодой человек всё никак не мог покинуть это место, музыка звучала в его голове, разливаясь в груди щемящим чувством утраченного, того, чем никогда не обладал, но выросшим на воспоминаниях тех, кто это утратил.

Под мерное покачивание вагона задремал и мой визави. Я прилегла тоже, но сон не шёл.

Какой же длинный для меня случился этот день.

Поезд прибыл в Харбин рано утром. Вместе с галдящей толпой перрон выплюнул меня на привокзальную площадь. Я не ожидаю встречающих, друзья не знают о моём приезде. Сегодня хочу побыть с городом наедине. Мы часто с ним видимся, но сегодняшняя встреча особенная. Этот «русейший» город вступил в свой юбилей. Как бы ни хотели здеш-

ние власти «притушить» русскость города, пока это напрасный труд. Никуда не деться от факта, что именно русские на рубеже девятнадцатого и двадцатого веков заложили город на месте рыбацкого поселения Харба на берегу реки Сунгари. Живы ещё старики, которые помнят рассказы о русских, и чтит эти воспоминания молодое поколение. Пусть точно, словно украдкой, исчезают русские особнячки, похожие на московские или петербургские, а то и вовсе терема из сибирской глубинки, а на их месте возвышаются ультрасовременные небоскрёбы, память не стереть в одночасье. Фотографии облика того Харбина остались немymi свидетельствами в хрониках кинематографа, газет, фотографий, открыток, документов. И люди, живущие в этом далёком городе, ставшем оазисом покинутой России, с их языком, культурой.

Харбинцев узнаю в любой точке страны. Кто ещё так самозабвенно, даже в лютый мороз, лакомится мороженым... Ещё до сих пор на харбинском «Арбате», бывшей Китайской улице, ближе к вечеру каждый день выстраивается очередь в магазин-пекарню за «русским хлебом». Душистый, с поджаристой корочкой, он очень популярен, и в качестве гостинцев его покупают гости города из глубинки провинции. Где ещё можно встретить китайца, поедающего хлеб да с икорочкой сверху. Нигде больше не увидишь на столе икру или солёную селёдочку – это чуждо их кулинарной культуре, сырое, как они говорят, сморщив при этом нос. Кто ещё бес-

страшно с непокрытой головой в мороз будет расхаживать по улице? Конечно же, она, харбинская молодёжь. Пусть на меня не обижаются другие жители этой страны, но харбинцы самые красивые, и не только на мой взгляд, так считают многие мои соотечественники. Наверное, суровый климат, чем-то похожий на наш дальневосточный, влияет на их характеры, стойкость, немногословность, а отсюда и внешний облик.

Сейчас же, не обращая внимания на зазывные крики таксистов, прошла в конец привокзальной площади, подошла к скромно стоящему в стороне такси, бросив водителю: «Цюлинь». Даже если бы сказала: «Чурин», водитель бы понял. Кто ж не знает этот торговый дом – символ честности, надёжности и успеха. Как и при основателе торговой компании «Чурин и К», здесь и сейчас можно купить любой товар от булавки до автомобиля. А уж за продуктами под маркой «Чурин» всегда очередь.

Не верите, зайдите и убедитесь, что это бренды Харбина. Есть даже колбаса, которую готовят по старым технологиям, которым уже более века.

Я сознательно начинаю сегодняшнюю встречу с городом именно отсюда – с самого популярного места того далёкого «русейшего» Харбина. Своё паломничество наметила по широкому проспекту, который для меня навсегда останется Ново-Торговым, как назвали его мои соотечественники, пришедшие в эти земли с благородной миссией соединить

два великих государства во имя процветания и мира, построив железную дорогу. «Здесь построим русский город, назовём – Харбин». Точка! Вот такие мы решительные – русские, одним словом. И построили! Да какой город – во всём Китае самый русский город!

Медленно иду по проспекту, минуя универмаг «Чурин», окаймлённый малоэтажными «московскими» домами. А за ними, словно насмехаясь, высится эклектика. Высится, да не возвышается. Кто ж на них задержит взгляд: дом да и дом, а «мои» дышат, живут. А ещё за ними огромный мир. Что ни здание – история. Русские названия улиц, вывесок сохранялись ещё много лет после войны – Великой Отечественной.

Мне повезло здесь неоднократно бывать и вот, как сегодня, совершить путешествие во времени. Сказалось то, что много читала воспоминаний бывших харбинцев, которые лучшие свои годы прожили здесь. Вспомнились яркие впечатления генерал-майора Александра Скворцова, назначенного в 1945 году комендантом Харбина. Эти картины оживают, словно кинематограф крутит своё трескучее колесо с плёнкой. Перед моими глазами пробегают стайки гимназисток, господа приподнимают котелки, здороваясь друг с другом, попы в чёрных рясах степенно крестятся на купола церквей, а мимо раскатывают бородатые извозчики в поддёвках. Нянюшки-китайки, бережно прогуливающие русских ребятишек. Пацанва, фальцетом рекламирующая газеты и бросающаяся под ноги прохожим. Вальяжные дамы,

с достоинством несущие себя, облачённые в наряды по последней парижской моде. Откуда мода? Да несколько магазинов и ателье французской моды «на Кузнецком», как москвички называют между собой Китайскую улицу, соревнуясь с петербурженками, вспоминаящими Невский, а ещё и у «Чурина», да и на Ново-Торговой немало.

Медленно приближаюсь к «своей» Мекке. Вот она – Соборная площадь с Московскими торговыми рядами, словно в каком-нибудь провинциальном российском городке. Вот только уже нет Свято-Николаевского собора²⁷, в честь которого именовалась площадь. Собора нет – память осталась. В память этой памяти, простите за тавтологию, на этом месте засаживается цветами огромная клумба, возле которой я сейчас склонила голову в знак скорби.

Присела на скамейку, прикрыла глаза.

Торжественный звук соборного колокола призвал молящихся к обедне. Всё как в прежней России. Прихожане ручейками стекаются к Свято-Николаевскому собору. Обнажив головы, смиренно слушали батюшку рядом стоящие и русские, и советские, и китайцы. Перед Всевышним все равны...

²⁷ Свято-Николаевский собор был снесён хунвейбинами во время культурной революции. Простоял 67 лет.

Престольный град – Пекин

К поездке в столицу Поднебесной туристическая судьба меня готовила исподволь. И это было правильным, иначе я бы не увидела и не смогла понять настоящий Пекин, ведь на первый взгляд он может показаться совершенно безликим.

В первые же дни, проехав по главным улицам, вынесла вердикт – это пурпурно-красный коммунистический город. Поменялось ли мнение в конце пребывания в «первопрестольной» и во время других многочисленных поездок? Твёрдое «нет». Только укрепилось. Небоскрёбы бизнес-центров в точечных застройках центра города, жилые кварталы с башнями-высотками в новых районах не размыли красный дух города, а только придали ему шарма.

Каждый город в Китае чем-нибудь знаменит. Пекин известен во всём мире своей огромной площадью.

Любая программа по ознакомлению с городом начинается с самой главной площади Тяньаньмэнь, к которой ведёт оживлённая дорога мимо безликих зданий, справедливости ради нужно отметить, некоторые выделяются львами у входа да алыми флагами. Сама площадь в окружении зданий строгих форм в одном стиле добавляет аскетичности панораме. Некоторые сооружения напоминают сталинский ампи́р, но с китайской спецификой. А что до сталинского ампи́ра, так и немудрено, строили-то в пятидесятые годы прошлого столе-

тия во время великой дружбы двух народов, вот советские архитекторы по дружбе и напроектовали. В той же компании и памятник Народным героям, символизирующий борьбу китайского народа в период с Первой опиумной войны до основания Китайской Народной Республики.

Переводчик Нью Чан, с которым мне предстоит работать в Пекине, понравился сразу. Высокого роста, с прямой осанкой, красивым благородным лицом, умными глазами, неторопливой речью на неплохом русском языке, с несуетливыми движениями, он производил впечатление надёжности, что немаловажно для успешного сотрудничества.

– Подъезжаем к главной площади Китая, – прервал путеводный рассказ Нью Чан и предложил туристам выйти из автобуса.

Пройдя через небольшой переход, оказались перед огромными воротами – Цаньмынь – Внутренние ворота. Они когда-то служили проходом между Внутренним и Внешним городом. За ними простёрлось огромное пространство, как рассказал Нью Чан, без малого девятьсот метров в длину и пятьсот метров в ширину. Ощущение себя песчинкой во Вселенной так явственно больше нигде не чувствовалось. Представьте себе, неофициально, здесь может разместиться миллион человек.

Прямо перед воротами – мавзолей Мао. Огромная очередь, извиваясь, движется вдоль ограждения, словно дракон без головы. Голова исчезла где-то там, на входе, а здесь

хвост, к которому прилепилась и я, став чешуйкой на теле этого монстра. Стремления видеть Великого Кормчего в хрустальном гробу не было. Это посещение – один из рабочих моментов.

Площадь Тяньаньмэнь – центр социалистического Китая. Именно здесь расположен парламент КНР – Дом народных собраний. И именно здесь, за несколько минут до восхода солнца, гвардейцы проводят церемонию поднятия флага. Он поднимается медленно. Его движение совпадает со временем, за которое встаёт солнце над горизонтом, – две минуты семь секунд. Изо дня в день невидимый метроном отсчитывает время жизни страны: так было, так есть, так будет...

Площадь всегда многолюдна, речь можно услышать на разных языках мира. Кстати, в один из моих приездов с очередной группой туристов на площади произошёл курьёзный случай. Так получилось, что в группе, кроме русских, находились американские граждане. Страшного в этом ничего не было, все подружились и быстро нашли общий язык, хотя никто из иностранцев по-русски не говорил. Деннис, житель Лос-Анджелеса, вдруг решил купить фотоплёнку у уличного продавца, вопреки моему инструктажу, что все покупки делать безопаснее в специализированных магазинах. Когда наш автобус продолжил движение по экскурсионному маршруту, американец подсел ко мне и стеснительно показал купюры. Оказывается, это сдача со ста юаней, поданных продавцу за кассету с плёнкой. Ему «честно» продали плёнку

за тридцать юаней. Не менее честно дали на сдачу пять «бумажек», в сумме составившие число семьдесят. Да только оказалось, что сдачу ему дали в самой немыслимой солянке в копеечных номиналах. Были пятьдесят долларов какой-то африканской страны, на географической карте размером с остриё иглки, и даже белорусские «зайчики». Раскатистый хохот туристов ещё долго сотрясал автобус.

Нужно сказать, что с русскими туристами подобные «шутки» китайцы редко позволяют себе, проявляя уважение к нашей стране. Хотя если уж явно на лбу проявляется «лох», тут уж не сетуйте, господа русские туристы, как говорится, доверяй, но проверяй, мол, ничего личного. А вот к американским гостям такого уважения мы не заметили, наоборот, всячески подчёркивалось пренебрежение.

Своим названием площадь обязана главным воротам императорского дворца – Тяньаньмэнь. Ворота служили одновременно и трибуной, с которой доводились указы императора до чиновников, а затем ими уже до народа. Переводится как «Врата Небесного Спокойствия».

Тяньаньмэнь можно назвать сердцем Пекина, сердцем Поднебесной. Отсюда Мао Цзэдун провозгласил о рождении нового государства.

На левом плакате от портрета Великого Кормчего надпись «Долгая жизнь Китайской Народной Республике». На правом – «Долгая жизнь единству народов всего мира». Ворота – символ Китая. Они узнаваемы во всём мире.

Ню Чан сумел удивить меня. Интересный факт в истории ворот поразил! Один раз со дня провозглашения КНР и всего один день – 9 марта 1953 года – был размещён ещё один портрет – Иосифа Сталина. Так в КНР выразили скорбь по поводу кончины Сталина.

1. Вне пространства и времени

За Ворота́ми Небесного Спокойствия раскинулся Гугун. Так официально называется он в настоящее время – «Бывший дворец». Это самый центр столицы. Построен он по

всем правилам фэншуй: вход его смотрит на юг, с севера закрывают горы, а внутри протекает река. Всё это способствует накоплению энергии. В общем-то на меня колыбель императорской власти не произвела должного впечатления. Огромная территория без единого деревца в целях безопасности императора – всё просматривается, никакой лихостей притаиться не вздумает. Как будто во дворцах мало укромных мест, если уж приспичит порешить кого.

Самый большой зал и самый первый нас встречает при осмотре – Зал Высшей Гармонии с тронем для повелителя. Кстати, ещё в начале семнадцатого века этот зал мог принять русских посланцев. Однако послы не были приняты императором Ванли из-за отсутствия у них официальных грамот и подарков. А ещё говорят, что наши соотечественники ответили отказом опуститься на колени и ползти от входа через весь зал, не поднимая головы, к трону императора. Однако незадачливым посланцам была вручена грамота от имени императора, разрешавшая русским приходить с посольствами и торговать в Китае. Грамота провалялась в Тобольске, где завершили свою неудавшуюся миссию посланцы, пятьдесят лет – некому было перевести. Есть мнение, что именно этот документ, долго остававшийся непереверждённым, и поспособствовал появлению в русском языке выражения «китайская грамота» как синонима чего-то непонятного.

За тронным – Зал Сохранённой Гармонии, далее – Зал Центральной Гармонии... Одним словом, гармония да спо-

койствие прямо-таки убаюкивают, если бы не мысли о привидениях несчастных, которые, наверное, бродят по ночам, не в силах упокоиться, потерявших жизнь в паутине интриг, заговоров и жестокости.

Основные цвета дворца: жёлтый – символ верховной власти и красный – символ удачи и счастья. Только от этого можно сойти с ума. Меня, во всяком случае, «удачливый» и «счастливый» цвет наполнил желанием побыстрее покинуть дворец – слишком много красного, слишком агрессивно. Ещё везде драконы, драконы... Немного пришла в себя только в половине, где располагались личные женские покои с прекрасным садом.

Из-за обилия красного есть ещё одно название дворца – «Пурпурный запретный город». Так официально он назывался в прошлом.

Без малого пятьсот лет он служил императорским династиям Мин и Цин²⁸. Из двадцати четырёх императоров, восходящих на престол, мне ближе по времени дворцовая жизнь последних правителей – вдовствующей императрицы Цыси и сменившего её малолетнего императора Пу И.

О Цыси ходит множество мифов, легенд и слухов. Но что бы о ней ни говорили, правда, что эта хрупкая юная девушка с именем Орхидея, попавшая во дворец, смогла возвыситься от обычной наложницы самого низшего ранга до императрицы. Она жестоко расправлялась со всеми, кто стоял на

²⁸ Династия Мин – 1406–1644 годы; династия Цин – 1644–1912 годы.

её пути. Её до смерти боялось окружение, а вот иностранцы не ощущали опасности от этой, на их взгляд, милой и дружелюбной императрицы. Именно по приказу этой привлекательной женщины китайские пушки палили по католическому собору, наполненному людьми, а во время «боксёрского восстания»²⁹ было расстреляно множество иностранцев.

Цыси была образованной, умной и рассудительной правительницей. Наряду с её жестокостью народ до сих пор помнит и её заслуги перед страной. Благодаря тому, что она «смотрела» на Запад, в Поднебесной стали строить железные дороги, создали первый телеграф, заработала почтовая служба, появилось электричество, модернизирована армия и флот, пришла европейская медицина, женщинам предписывалось получать образование наравне с мужчинами и даже был издан указ о запрете китаянкам бинтовать ноги³⁰.

Как уж не хотелось выпускать власть из своих рук тётушке Дракону, как Цыси называли за глаза, но это случилось. На

²⁹ «Боксёрское восстание» – повстанцы, восставшие против иностранного вмешательства в экономику, внутреннюю и религиозную жизнь страны. Сначала власти были на стороне повстанцев, но затем Цыси перешла на сторону Альянса восьми держав (Австро-Венгрия, Великобритания, Германская империя, Италия, США, Российская империя и Японская империя). Бунтовщиков же ждала кровавая расправа.

³⁰ Обычай бинтовать ноги девушкам Поднебесной возник в начале десятого века и просуществовал до начала двадцатого века. Девочкам полосками материи перевязывали ступни таким образом, чтобы нога со временем переставала расти и деформировалась, принимая форму лотоса. Процесс деформации ноги длился годами и причинял женщинам невероятные мучения.

семьдесят втором году жизни она ушла в мир иной.

Её преемником стал двухлетний Айсиньгёро Пуи³¹ – ребёнок, который, по сути, и обрушил династию. Именно при нём страна начала стремительно терять позиции монархии.

Вспомните начало сказки Андерсена «Соловей»: «В Китае, как ты, наверное, знаешь, и сам император китаец, и все его подданные китайцы». Великий сказочник ошибся в двух вещах. Во-первых, он забыл, что эту огромную страну населяют пятьдесят шесть национальностей со своими культурами и обычаями. Во-вторых, императоры последних пяти веков были маньчжурами.

О личности последнего императора я знала ещё задолго до того, как попала во дворец. Я читала его собственную книгу, а ещё много слышала о «предателе-императоре» в Аньшане и Шэньяне, где мне пришлось бывать не раз.

Двухлетний правитель унаследовал империю, которая погрязла в долгах, нищете и находилась под угрозой распада. Заботило ли это здорового, живого и весёлого ребёнка? Едва ли. Мало это заботило даже его отца, назначенного регентом³². Большую часть времени малолетний император поводил в играх с придворными евнухами и кормилицами, окружавшими его до восьми лет. Кстати, именно в этом окруже-

³¹ Айсиньгёро Пуи **не** был этническим китайцем. Его род принадлежал к маньчжурской династии Цин, правившей на тот момент более пятисот лет. Айсиньгёро по-маньчжурски – «золотой род».

³² Регент – правитель, кто правит страной при отсутствии, малолетстве или болезни государя.

нии нашлись те, кто научил малыша не быть зазнайкой и не унижать ближних.

Прошло совсем немного времени – чуть больше трёх лет – и монархия пала, разрушенная Синьхайской революцией. Был подписан акт об отречении. Согласно условиям, обещанным монаршей семье, Пуи сохранил титул императора и право жительства в Запретном городе. С именем произошла незадача: о тронном имени нужно забыть – отныне он Пуи, личное имя, которым его нарекли при рождении.

Неудачи преследовали Пуи снова и снова. После достижения 18-летия он был лишён всех титулов, изгнан со своим двором из Запретного города и объявлен обычным гражданином Китайской республики, как стала называться его страна. В историю бывший император вошёл как Пу И³³.

Прогуливаясь по Запретному городу, я думаю в первую очередь именно о нём – человеке, который был не то императором, не то просто «мимо проходил». Правители Поднебесной были разными, но ТАКОГО его предшественники не могли предвидеть даже в страшном сне. Получив достаточно хорошее образование, он мог бы стать просвещённым монархом, а получился царём без царства, постоянно подпадающим под чьё-то влияние. Сначала это был шотландский дипломат наставник мистер Джонсон, потом японцы, которые

³³ В старой транскрипции китайские имена было принято разделять на отдельные слоги, поэтому в литературе на иностранных языках обычно его имя пишется раздельно – Пу И.

пригрели несостоявшегося Сына Неба, выброшенного за порог Запретного города. Это можно объяснить юным возрастом, но так ли это. Ведь он сам сожалел, что ему не довелось побыть императором по-настоящему.

Японцы предоставили ему шанс изменить статус «отрёкшегося императора», вернув власть и создав на северо-востоке Китая марионеточное государство Маньчжоу-Го. Принимая эту власть, Пу И искренне считал своим долгом вернуть монархию в Китай и видел шанс воплотить свои мечты. Но не случилось: он так и не сумел освободиться от японской зависимости, а ещё его привлекала красивая и праздная жизнь. Он позволил японцам использовать своё имя, подписывая документы не читая их, чем навлёк на бывших подданных в разных уголках Китая невыносимые страдания и смерть.

Никто не пожалел бывшего правителя Поднебесной, когда в августе 1945 года его в военной форме арестовали в Мукдене офицеры Красной армии. Арест пошёл буднично. Наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на мукденском аэродроме. Солдаты заметили группу китайцев и японцев, направлявшихся к другому самолёту, готовому к вылету, и задержали их. Высокий молодой китаец в японской военной форме, которого попросили предъявить документы, сообщил, что он – император Пу И. Вся его свита, включая японских советников, была задержана.

Пу И предстал перед советским судом за военные пре-

ступления. Правда, и здесь не обошлось без предательства со стороны «венценосной особы»: он выступил в суде против своих бывших благодетелей.

После суда Пу И отбывал наказание под Хабаровском, усиленно изучая труды марксизма-ленинизма. Доизучался так глубоко, что пожелал вступить в Коммунистическую партию, но получил отказ. Вскоре по просьбе властей нового Китая его отправили в Пекин, где он продолжил «отсидку» и через девять лет был амнистирован за примерное поведение и «идеологическое перевоспитание».

Экс-император устроился на работу в Ботанический сад Академии наук КНР, занимаясь выращиванием орхидей. С окружающими был вежлив, обходителен и отличался скромностью. Во всяком случае, так о нём говорят те, кто жил и работал рядом с ним. Он даже женился в пятый раз и был счастлив в браке. Написал книгу о себе, где, конечно же, «пригладил и причесал» свою историю, представив себя жертвой обстоятельств.

По мнению его соотечественников, мемуары выглядели так же бесцветно, как и его жизнь. Не берусь судить, правы они или нет, но для меня книга интересна хотя бы тем, что информацию о жизни бывшей императорской особы я получила из первых рук. Особенно познавательно было читать о детских годах, о быте, о нравах, царивших во дворце. Ещё наконец-то сбылась мечта «венценосного»: он вступил в Коммунистическую партию – только Китая, а не СССР.

Он круто сменил сферу деятельности: стал сотрудником Государственного архива и вошёл в состав Китайского народно-политического консультационного совета.

Царь без царства и без власти был перезахоронен рядом со своими царственными предками близ гробниц Западной Цин. Заслужил ли он это? Наверное, да. Дитя, сокрушившее Поднебесную, действительно достойно этой чести...

Покоряет Гугун своей уникальностью – на семидесяти двух гектарах расположились деревянные постройки – это самый древний в мире деревянный архитектурный комплекс. Основные каркасы и все другие выполнены из высококачественных стволов деревьев.

В Запретный город, который стал не запретным, устремляются миллионы туристов, но самое большое их количество составляют сами китайцы. Они шествуют группами и в одиночку по городу в городе. Невольно крамольные мысли дракончиком вползают в голову – наверняка некоторые мысленно примеряют на себя роль повелителя Поднебесной. Ведь по Конфуцию, каждый китаец – маленький император.

Этим же вечером Ню Чан подтвердил эту мысль в шутке, когда мы с ним садились в автобус, пережидая толкающихся пассажиров на входе: «Не спеши, пусть маленькие императоры зайдут».

Всматриваюсь в лица китайских гостей. Заглядывают в распахнутые двери дворцов – входить не разрешается, на круглых лицах читается непосредственное любопытство –

«запретный плод сладок», затем горделивое покачивание головой и прицокивание: мы помним прошлое и чтим его, живём настоящим и решительно верим в будущее. Я верю в их решительность. Канули в вечность прошлые века, а народ выстоял, сохранил себя, сохранил накопленные предками ценности не только в материальном, но и в духовном. Именно здесь ко мне пришло понимание, что этот улыбчивый гостеприимный храбрый народ может быть суровым и непреклонным.

Я понимаю, что, возможно, Ню Чан не понял, что же я чувствую, бродя по длинным дорожкам от дворца к дворцу. Уж точно благоговение на моём лице вряд ли можно было увидеть. Возможно, этому препятствовал густой, словно гранатовый сок с мякотью, тягучий воздух. Крыши, слепящие жёлтым под синим с утра небом, жёлтая земля, как императорский наряд, по краям дорожек и горячий воздух, обжигающий глаза. Жара окутала всё моё существо.

Чтобы быть справедливой к Запретному дворцу, повторю посещение осенью и постараюсь подружиться с драконами и дракончиками, с грозными львами, охраняющими покои властелина этого необычного города в городе.

2. Вышивка на водной ряби

Как и у многих китайцев, для меня июль-август в Пекине не комфортен. Причина банальна – это сезон «футянь», а

по-нашенски «низкое небо». Город взят в тиски неподвижным воздухом, ещё добавляют неприятные ощущения частые ливни, которые обрушивают потоки воды.

Отдушиной для горожан, и для меня тоже, становится заповедное место неподалёку от Пекина – Ихэюань. Это Летний императорский дворец. Местечко, в начале двенадцатого века служившее путевой усадьбой для императорской особы. А начиналось всё очень просто. Небольшой пруд на подъезде к Пекину ещё восемь веков назад привлёк внимание императоров, возвращающихся из поездок по окрестностям. Здесь было решено построить усадьбу для небольшого отдыха.

Время от времени пруд расширяли, а вместе с ним и территорию усадьбы, незаметно превратившуюся в дворцовый сад. Менялись владельцы, и дошло даже до того, что однажды им владел евнух. Позже, уже в восемнадцатом столетии при династии Цин, усадьбу облюбывал император Цаньлун³⁴,

³⁴ Цаньлун взойшёл на трон в возрасте 24 лет и правил почти 60 лет. Умер, не дожив нескольких месяцев до начала девятнадцатого века. Ему было 89 лет. Его царствование было одним из самых долгих в Китае. В этот период Китай впервые столкнулся с перенаселением – почти в два раза, с последствием которого успешно справлялся (эпидемии, голод). Ему удавалось смягчить социально-экономическую напряжённость. В годы его правления экономика представляла собой одну из наиболее крупных в мире; относительно стабильная финансовая система; была развита торговля, как внутренняя, так и внешняя; шло освоение неудобных земель для сельского хозяйства, например склонов холмов, и освоение новых культур, завезённых из других регионов и из-за границы; расширение территории Китая за счёт завоеваний.

этакий «китайский Пётр I», и размахнулся на грандиозное строительство. К шестидесятилетнему юбилею своей матери он готовил подарок – летнюю резиденцию. Именно с этого времени началась настоящая история Летнего дворца как единого пейзажно-архитектурного комплекса.

Император Цаньлун всегда большое внимание уделял подаркам ко дню рождения матушки, особенно к её юбилеям. Дело в том, что она происходила из незнатной семьи, во дворец была взята в качестве служанки, и сын своим вниманием стремился поднять её в глазах знати.

Создание дворца было начато с продолжения обустройства озера Куньмин – «Озеро, подобное сиянию», а земля, которая осталась после того, как его углубили, пошла на возведение горы, которую сын в честь матери назвал Ваньшоушань – гора Долголетия. На склонах горы впоследствии были построены буддийские храмы.

Меня поражает в китайцах идея долголетия и бессмертия. Что в прошлые, что в настоящие времена эти мысли всегда популярны среди этого загадочного народа. Современные китайцы, например, тщательно следят за своим здоровьем, что проявляется, в частности, в здоровом образе жизни.

Во все времена императоры и императрицы носили платья с изображением иероглифа «долголетие», а в императорских парках обязательно воздвигались объекты, связанные с идеей долголетия и бессмертия. Один из символов – легенда

о трёх островах бессмертных, на которых не было ни боли, ни зимы, бокалы для вина и миски риса всегда были полны, а съеденные фрукты даровали вечную жизнь. На Куньмин император обустроил три острова, олицетворяющие эти острова из легенды: Наньху, Туньчэн и Цзаоцзяньтан. К одному из них, Наньху, где размещён Храм Короля Дракона, император построил семнадцатипролётный и стопятидесятиметровый мраморный пешеходный мост. Интересен он своим украшением – более пятисот фигурок львов, среди которых нет ни одного одинакового, кроме размера, венчают столбики перил.

Мосты, пережившие века, занимают моё особое внимание. Согласно с буддийской символикой переход через мост означает обретение другой жизни, преобразование.

Другой мост – каменный Мост Нефритового Пояса тоже был возведён при императоре Цаньлуне. Мост с очень высоким – десятиметровым – пролётом изогнут, образуя арку, чтобы под ним могла проплывать высокая императорская лодка-дракон. В народе такие мосты называют «лунными» за сходство с полумесяцем ночного светила или ещё – «горбатый», «верблюжий». Арка с отражением на воде создают поразительный по красоте овал, словно рама с помещённым в ней пейзажем.

Дворец получил название «Цинъюань» – «Сад Чистой Ряби»³⁵. В это время были проведены реставрационные ра-

³⁵ В других переводах – «Сад Чистых Волн».

боты над уже имеющимися сооружениями и появились новые. На строительство дворца император потратил пятнадцать лет.

Много и других мостов построено по распоряжению императора. Павильоны и храмы, многометровая галерея, ведущая к каменной ладье, где императрица-матушка любила пить чай и любоваться Куньминху³⁶, и даже целая театральная торговая улица для развлечения членов императорской семьи и слуг. Здесь они могли поиграть в «простой народ».

В Цинъюань всё дышало сыновьей любовью, почтением и покоем. Именно эта часть истории меня вдохновляет при прогулках по Летнему дворцу, навевая пасторальное настроение.

В одной из своих поэм, описывающей прогулку на лодке по озеру, император Цаньлун пишет: «Где самое безмятежное место у Яньшаня? Пейзажи на озере Куньмин неповторимы».

Император часто, возвращаясь из путешествий по империи, останавливался здесь на целый день, но ночевать всегда, как это предписано было законом, возвращался в Пурпурный дворец. Для императора это место отдыха, а не жилой дворец.

К сожалению, эту красоту варварски почти полностью уничтожили французские и британские войска во время

³⁶ Последний слог «ху» переводится как «озеро».

Второй опиумной войны³⁷. Только спустя почти тридцать лет, пережив запустение, Сад засиял снова. Благодаря вдовствующей императрице Цыси. Кстати, по иронии судьбы, она тоже спешила со строительством – мечтала отметить именно здесь свой шестидесятилетний юбилей.

Несмотря на свой преклонный возраст, она принимала деятельное участие в обустройстве летней резиденции, которую назвала «Ихэюань» – «Парк Процветания и Гармонии».

Строительство шло не без обмана. Подвох крылся в деталях. Деталь оказалась небезобидной. Дело в том, что средства на возведение дворца уходили из военного бюджета. Народу знать об этом совсем ни к чему, поэтому было объявлено, что на берегах Куньминху возводится современная военно-морская академия.

«Игра в академию» закончилась торжественным «выпуском слушателей» академии на палубе мраморного корабля, к которому вдовствующая императрица прошествовала по роскошной галерее. Цыси благосклонно отправила вояк на службу отечеству. Да только служба эта была обречена на поражение. Поражение Китая в войне с японцами. Кто знает, каков был бы итог войны, уйди эти деньги действительно на укрепление китайского флота. Хотя некоторые аналити-

³⁷ Вторая опиумная война 1856–1860 годов. Англо-французское правительство хотело наказать Китай за якобы несоблюдение им договорных обязательств по отношению к их странам. Иностранные войска оккупировали Пекин и стали уничтожать дорогие сердцу каждого китайца памятники их древней культуры – храмы, дворцы и другие. Так был почти полностью уничтожен парк Ихэюань.

ки говорят, что даже новые корабли, построй их в то время, могли бы быть разбиты, а Летний дворец и поныне стоит цел и невредим.

Как бы то ни было, на протяжении веков от небольшой путевой усадьбы до дворцовой летней резиденции в искрящихся водах Куньминху – «Озера, подобного сиянию» – отражаются вершины гор, изящные мосты, павильоны, а гул суеты, смог остались в Пекине.

В любое время года меня не покидает восторг от встречи с Ихэюань. Вот и сейчас брожу по дорожкам и не перестаю удивляться окружающим пейзажам. Пожалуй, не найти в Китае другого такого местечка, где бы соединились история и достопримечательности с красотой природы.

В парке продумано всё до мельчайших деталей. Вокруг центра – холма Долголетия – раскинулись хозяйственно-административная, жилая и ландшафтные зоны. Больше половины территории занимают водоёмы. К естественному пейзажу добавлены насыпные горки, искусственные скалы. В китайской философии горы и вода очень важны. Они считают, что это два полюса природы. Слова Конфуция известны многим китайцам: «Человек, движимый сердцем, восторгается горами, а человек, движимый разумом, наслаждается водой». Гармоничный же человек должен восторгаться и тем и другим. Само слово «пейзаж» по-китайски звучит как «шанышуй» – гора и вода.

Вся эта красота за всю историю возрождалась, как феникс из пепла, и сумела не растерять творчество прошлых веков. Каждое последующее поколение на протяжении веков строило этот мир, который сохранялся следующими поколениями.

Не знаю, получается ли у меня быть гармоничным человеком, но люблю уединиться на берегу Куньминху и подолгу любуюсь отражением в озёрной глади неба, вершин гор, изящных мостов, пагод, павильонов... Иногда налетит ветерок, и на миг рябь смывает идеальное отражение. Нет мне дела до тайн, которые хранят стены, огораживающие этот идеализированный мир, который строился на протяжении многих веков в идеальном Саду.

На то и создана эта красота, чтобы возродить в душе покой и умиротворение.

3. Душа грустит о небесах

Где бы я ни была в поездках по городам и весям Китая, в первую очередь с утра пробегаюсь по близлежащим от гостиницы дворам. Зачем это делаю? Всё очень просто – выискиваю место, где собираются любители утренней гимнастики. Чаще всего это люди немолодые. Говорят, что традиция ранёхонько выходить на улицу на прогулку пошла издавна. Это сейчас китайский люд живёт вольготнее, а были времена, когда в небольшом жилище ютилась семья из несколь-

ких человек, и, чтобы не мешать сборам молодых на работу, старики выходили во двор прогуляться-размяться после сна. Кто-то делал это в одиночестве, другие собирались группами. И сейчас часто можно встретить «индивидуалистов» преклонных лет, выполняющих растяжку у деревьев в парке или сквере.

Вот и в Пекине, если повезёт разместиться недалеко от заветного местечка, мчусь туда, пробудившись от заранее заведённого будильника. Что это за место? Парк Тяньтань. В переводе с китайского – Храм Неба. Это в самом центре столицы. Всего пара-тройка остановок на метро или автобусе, и я среди единомышленников.

Миную группу людей, занимающихся тайцзы, ушу, и прямо направляюсь к «своей» команде. Есть такие, которые меня узнают и приветствуют лёгким кивком, а некоторые едва заметным движением век. Отвечаю улыбкой или ответным поклоном.

Мне странно слышать, что все они на одно лицо. Возможно, от частого общения с этим народом проблем с распознаванием никогда не было. Мало того, всегда отличу японца и корейца от китайца.

Мои китайские невольные «парковые» друзья-товарищи практикуют цигун. Упражнения помогают раскрыть потенциальные силы организма, стимулируют выработку позитивной энергии, а главное, укрепляют самоконтроль. Эта дыхательная гимнастика мне по душе. В ней соединились три со-

ставляющих: тренировка тела, дыхания и ума. Плавные движения завораживают, ритм дыхания успокаивает, тело становится лёгким, свет пронизывает каждую клеточку моего организма, и вот мы уже одно целое со Вселенной. Последнее движение – энергия «запечатана». Заряженная абсолютной свободой и непосредственностью моих соратников по утреннему «тренингу», иду в новый день.

День предстоит насыщенный культурной программой. Кстати, сейчас после завтрака по плану как раз посещение Храма Неба, но мои милые старички к тому времени разойдутся по парку к своим группам по интересам. Кто-то продолжит утро за игрой в китайские шахматы – сянци, другие – за рукоделием, причём невзирая на пол, наоборот, завораживает ловкость мужских рук, накладывающих стежки за стежками на канве.

Туристы, проходя по длинной галерее, ведущей к храмовому комплексу, задерживаются то у одной, то у другой группы. Надо сказать, что группы живописны. Многие в национальных костюмах, другие в концертной одежде, как, например, вот этот скрипач. Пусть жара не позволяет продемонстрировать полный наряд, но вот бабочкой под кадыком выражает уважение слушателям, и лёгкий поклон срывает аплодисменты.

За годы работы бываю здесь часто, и бытовые картинки не вызывают удивления, а вот туристам всё в диковинку. Мне хочется их порадовать встречей с особым персонажем.

С утра молю, чтобы он оказался на месте. В последнее время иногда этот чудной человек пропускает дни. Мои опасения оказались напрасными. Издали услышала визгливые звуки двухструнной эрху и ритмичное буханье баньгу³⁸ – музыка, а по мне, просто шум, возвещала, что мой «знакомец» даёт представление. Действительно, ввинтившись в толпу, боком-боком пробрались в первый ряд зрителей, образовавших круг. Сбоку импровизированной сцены на скамеечке расположился старенький магнитофон, из которого льётся мелодия, а в центре – колоритный персонаж.

Худенькая фигурка, облачённая в обветшавшее от времени шёлковое бледно-розовое платье с широкими и длинными рукавами, расшитое сине-красно-жёлтыми цветами, с разрезами по бокам, в которых мелькают брючки серого цвета. Голову украшает сооружение из пучка бабочек, выполненных из голубой прозрачной ткани. От короны по бокам спускаются длинные ленты с вышитыми цветами. На ногах тёмная обувь на светлой массивной подошве, высотой не менее двадцати сантиметров, по форме напоминающая лодочку.

Фигурка изящно двигается по импровизированным подмосткам особыми танцевальными шажочками за ударами баньгу, то убыстряясь, то становясь вкрадчивым. Завораживают сценические движения тела, рук, губ. Взгляды приковывает выражение глаз, выделенных усиленным гримом, они

³⁸ Баньгу – китайский ударный инструмент.

проживают особую сценическую жизнь. Подвижное лицо показывает гамму чувств. Вот оно стало застывшим, пустым, от смолкнувшей мелодии, всего какой-то миг тишины – и энергия вырывается вновь под зазвучавшими ударами барабана, героиня прикрывает лицо откуда ни возмись веером, кокетливо бросая взгляды по сторонам, осмелев, закрывает веер, который исчез в широком рукаве, разрешив загадку, откуда взялся, и нараспев дребезжащим высоким голосом декламирует, одновременно выполняя па.

Зрители с увлечением наблюдают за сюжетом лирического моноспектакля. История на самом деле простая: молодая девушка, вероятно из народа, оказалась в людном месте. Образ юности персонажем передан артистично: жизнерадостность, непосредственность, кокетливость, испуг, недоверчивость, озорство... Разве что элегантности исполнения мешает явная нарочитая старательность. Это зрителям совсем не помеха – испещрённое глубокими морщинами лицо, руки, усеянные старческими коричневыми пятнами, но не утратившие гибкость, дребезжащий вокал, – они награждают артиста дружными аплодисментами и разноязычным «браво».

Что по мне, так я всегда с восхищением смотрю на развёртывающееся действо, которое доносит старый оперный артист, с годами не растерявший навыки и пластику. Возможно, как бывает в оперном мире, это единственное амплуа исполнителя, потому что другого у него я не видела, и тем не менее вызывает уважение преданность своей роли.

Амплуа³⁹ – это судьба. Вот и у «моего» старика это судьба. Если всю артистическую жизнь его персонаж выходил на сцену в этой роли, то понятно, что в таком «золотом» возрасте, когда и тело не такое послушное, да и мозг иногда смешивает прошлое с настоящим, и уже не можешь постигнуть, где ты: в том далёком «было» или «здесь и сейчас», – но образ остался в мышечной памяти.

Жаль, что в каждое очередное посещение парка с тревогой ожидаю «свидания» со стариком. Ему немало лет, он помнит, а может, уже и не помнит, но во всяком случае свидетелем эпохи последнего императора точно был.

Старик – живая городская легенда. Рассказывают, что в нежном возрасте он посетил императорский дворец, где евнухом служил его родственник. Видел он императора или нет, доподлинно моему китайскому рассказчику неизвестно, но что родители захотели отдать своего сынишку в евнухи, этому есть подтверждение. Мальчика подвергли операции по удалению гениталий. Да вот незадача, служить императору пареньку не пришлось. Его императорское величество вышвырнули из дворца вместе с

³⁹ Кем быть в пекинской опере, то есть амплуа, определяется сразу. На выбор почти нельзя повлиять – всё зависит от голоса и внешности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.